

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Бояркина О.А.

DOI: 10.7256/2305-560X.2016.3.19317

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ТИГР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются межгосударственные противоречия, возникающие вследствие использования трансграничных водных ресурсов в бассейне Тигра в условиях засушливого климата и неравномерного их распределения. В связи с реализацией гидротехнических проектов в бассейне реки анализируется развитие конфликта интересов прибрежных государств по распределению региональных вод. В статье рассмотрена динамика развития отношений Турции, государства верховья, со странами среднего (Сирия) и нижнего течения (Ирак, Иран) и ее политика по осуществлению масштабных гидропроектов на реке Тигр. Выявлено, что региональные водные ресурсы выступают как инструментом политического давления, так и военным средством борьбы. В статье автором используются историко-политологический подход, сравнительный метод, факторный анализ, ивент-анализ для рассмотрения динамики развития водных отношений в бассейне реки Тигр. Автор приходит к выводу, что наложение водных разногласий на существующие этно-конфессиональные, территориальные противоречия, проведение государством верхнего течения эгоистической водной политики наряду с отсутствием многостороннего бассейнового соглашения ведут к обострению политической ситуации в регионе. С учетом напряженной военно-политической обстановки перечисленные факторы могут «взорвать» регион и привести к дестабилизации близлежащих государств постсоветского пространства.

Ключевые слова: международные отношения, межгосударственные конфликты, трансграничные водные ресурсы, гидроэгоизм, гидротехнические проекты, бассейновое соглашение, гидрополитика, климатическое изменение, политическая нестабильность, Исламское государство

Abstract. The article studies interstate contradictions caused by the use of transborder water resources in the Tigris River basin in the context of arid climate and the maldistribution of resources. In the context of hydrotechnic projects realization in the river basin, the author analyzes the development of the conflict of interests between littoral states based on the distribution of regional water resources. The article considers the dynamics of development of relations between Turkey (the head river state) and the states on the middle (Syria) and the lower course (Iraq, Iran), and Turkey's policy aimed at the realization of large scale water projects on the Tigris River. The author notes that regional water resources serve both as a political pressure instrument and a military instrument. The author applies the method of history and political science, the comparative method, component analysis and event-analysis to study the dynamics of development of water relations in the Tigris River basin. The author concludes that the addition of water contradictions to the ethno-confessional ones, territorial contradictions, Turkey's egoistic water policy, along with the absence of multilateral basin agreement, lead to the worsening of political situation in the region. With account for a tense military and political situation, these factors can "explode" the region and destabilize the neighboring post-Soviet states.

Key words: Islamic state, political instability, climate change, water policy, basin agreement, hydrotechnic projects, hydroegoism, transborder water resources, interstate conflicts, international relations.

В Месопотамии с древнейших времен вода являлась культом. Она не просто возвеличивалась, ей поклонялись. Вода воспринималась источником воли, дарующей и жизнь, и то, что сделало жизнь возможной.

Думается, именно благодаря обожествлению воды древние шумеры смогли построить систему первых гидротехнических сооружений, столь уникальную для своего времени.

И по сей день на Ближнем Востоке вода является важным стратегическим ресурсом, неравномерное распределение которого в этом засушливом регионе служит катализатором острых противоре-

чий по совместному использованию вод трансграничных рек Евфрата и Тигра.

Река Тигр является второй после Евфрата крупнейшей рекой Ближнего Востока. Как и Евфрат, Тигр также берет начало в Армянском нагорье (Турция), далее протекает вдоль небольшого участка турецко – сирийской границы (47 км), далее – по территории Ирака (1359 км), соединяясь с Евфратом и образуя единую водную артерию Шатт – эль – Араб, впадает в Персидский залив.

Площадь бассейна Тигра, составляющая 220 тыс. км², представляет половину площади реки Евфрат. При этом объем общего стока реки Тигр не-

сколько больше: если среднегодовой сток Евфрата составляет около 25 млрд. м³, то у реки Тигр – более 26 млрд. м³. Тигр обеспечивает водными ресурсами четыре государства: большая доля площади бассейна реки приходится на Ирак (56,1 %), остальная – на Турцию (24,5%), Иран (19 %) и Сирию (0,4 %).[1] Воды бассейна реки используют около 23,4 млн. человек, из которых более 18 млн. человек проживают в Ираке, и жизнедеятельность более половины населения этой страны зависит от вод Тигра. Для сравнения: из проживающих 73 млн. человек в Турции, лишь 3,5 млн. человек зависят от водных ресурсов Тигра.

В отличие от Евфрата, русло которого более извилистое, река Тигр обладает многочисленными притоками, которые вносят существенный вклад в формирование ее стока.

Турция, контролирующая более трети всего стока Тигра, начинает осваивать гидроэнергетический потенциал реки в 1940-е гг. Надо отметить, что в сравнении с Евфратом освоение Тигра началось позднее в силу особых, более сложных гидрографических особенностей реки. Турция начинает развивать все более амбициозные проекты, ярким примером которых может служить Проект развития Юго – Восточной Анатолии (проект ЮВА). В данном проекте предполагалось осуществить «План развития западной части бассейна Тигра». К настоящему времени в рамках проекта ЮВА Турция уже построила более 8 гидроузлов на реке Тигр, включая его притоки. Что касается гидро-мелиорации, то в рамках проекта планировалось оросить более 600 тыс. га земель (из которых на данный момент пока эксплуатируется лишь около 43 тыс. га), что способствовало бы решению продовольственной проблемы региона.

Также проект ЮВА в целях регулирования стока Тигра ставит своей целью создание системы водохранилищ в верхнем течении реки. Предполагалось, что строительство водохранилища Ылысу станет основополагающим элементом такой системы водных резервуаров. Согласно позиции турецкой стороны, сооружение водохранилища и плотины Ылысу не приведет к уменьшению стока в Сирию и Ирак.[2] Напротив, возведение ГЭС будет способствовать увеличению расходов сезонного меженного стока и значительному уменьшению масштабов наводнений, а также улучшению общей экологической ситуации в регионе.[3]

В рамках данного плана проектировалось создание водохранилища и плотины Сизр в нижнем течении Тигра с целью выработки дополнительной гидроэлектроэнергии. Стоимость данного проекта оценивалась около 1,8 млрд. долл. с привлечением иностранного капитала (кредитных агентств Австрии, Японии, Германии, Швеции, США, Велико-

британии). Сооружение плотины Сизр планировалось начать в 2008 г., возведение плотины Ылысу было начато двумя годами ранее. Однако проект пришлось заморозить вследствие резких протестов общественности, экологических групп и соседних прибрежных государств.[4] Причиной тому была проведенная по просьбе сопредельных стран экологическая экспертиза, согласно выводам которой запланированный Турцией проект мог нанести непоправимый ущерб культурному наследию региона, затопив древнейшие города Месопотамии (например, г. Хасанкейф, священного места для курдов, представляющего собой «уменьшенную модель Курдистана»)[5] и другие прилегающие территории), привести к вынужденному переселению более 50 тыс. людей, а также заболочиванию территорий.[6] Кроме того, Ирак и Сирия обратились за помощью в Лигу арабских государств (ЛАГ), которая ранее неоднократно поддерживала их в борьбе с турецким гидроэгоизмом в бассейне реки Евфрат. В 2001 г. ЛАГ приняла резолюцию № 6127, которая призывала иностранных инвесторов отказаться от участия в финансировании сооружения плотины Ылысу.

Для Турции данный проект обладает стратегической значимостью. По расчетам турецкой стороны, гидроузел Ылысу позволит оросить свыше 313 тыс. га земли, Сизр – более 120 тыс. га, а также обеспечить энергодефицитную Турцию достаточным объемом электроэнергии. Так, плотина Ылысу с запланированной мощностью 1200 кВт сможет вырабатывать 3800 ГВт·ч/год, а Сизр, мощностью 240 кВт, позволит получить дополнительную необходимую гидроэлектроэнергию. Кроме того, реализация проекта должна была обеспечить бедный регион Турции рабочими местами, что способствовало бы экономическому росту Юго – Восточной Анатолии.

В связи с этим Турция начала активно искать кредиторов как внутри страны, так и за ее пределами.[7] В результате в 2010 г., несмотря на продолжающиеся протесты сопредельных стран, особенно Ирака и Сирии, строительство системы плотин и водохранилищ было продолжено, однако до сих пор не завершено.

Таким образом, влияние Турции на водный режим бассейна реки Тигр с каждым годом все более нарастает, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на водообеспеченность прибрежных государств бассейна реки, в особенности Ирака. Зависимость от односторонней водной политики Турции, практически не учитывающей интересы других государств бассейна Тигра, вносит существенную напряженность в турецко – иракские политические отношения, регулярно их обостряя. Надо отметить, что если ранее напря-

женность в отношениях между Турцией, Сирией и Ираком складывалась в основном по вопросу использования вод реки Евфрат, то с началом строительства гидроузла Ылысу острый конфликт в межгосударственных отношениях обозначился и на реке Тигр.

В целом, практически каждый гидропроект, реализуемый Турцией на реках Евфрат и Тигр, приводит к уничтожению курдских поселений, способствует ухудшению экологической обстановки в регионе, усиливает напряженность в турецко – иракско – сирийских отношениях.

Одним из первых осваивать гидроресурсы бассейна Тигра начал Ирак: в 1939 г. на реке была построена первая плотина Кут для подачи воды на близлежащие территории. В 1946 г. между Ираком и Турцией был заключен Договор о дружбе и добрососедских отношениях, явившийся первым нормативно – правовым актом о сотрудничестве по водным ресурсам на реках Евфрат и Тигр. [8] Договором предусматривалась необходимость предварительного уведомления другой сторон при реализации гидротехнических проектов на данных реках.

В период с 1960-х по 1980-е гг. Ирак построил ряд важных плотин и водохранилищ как на самой реке Тигр, так и на его притоках. Однако основным звеном в водохозяйственном комплексе страны стало сооружение канала Тартар, строительство которого было завершено в 1977 г. Паводковые воды отводятся из реки Тигра в реку Евфрат по каналу Тартар, протяженность которого составляет 64 км. Тем самым, сооружение плотины Тартар позволило решить проблему дефицита воды в бассейне Евфрата путем переброски воды из бассейна реки Тигр через озеро Тартар, чья вместимость вдвое превышает турецкую дамбу Ататюрка. Надо отметить, что разрешение проблемы нехватки воды в бассейне реки Евфрат было стратегически важным для Ирака, т. к. Турция, как мы видели ранее, очень активно осваивает реку, возводя все новые крупные гидросооружения, тем самым сокращая ее сток для других прибрежных государств.

Сирия обладает наименьшей долей площади бассейна реки. В 2010 г. страной была инициирована первая фаза развития мелиоративной системы на реке, осуществляемой в рамках заключенного в 2002 г. сирийско – иракского соглашения.[9] В соответствии с ним, Сирия получила право ежегодно отводить из реки Тигр 1,25 млрд. м³ с целью орошения 150 тыс. га земель и повышения урожайности своих северных сельхозугодий, а также построить насосную станцию на своей стороне реки.

В целом, рост напряженности в бассейне Тигра объясняется, с одной стороны, эгоистической водной политикой Турции, располагающейся в верхнем течении реки, с другой, – отсутствием

действующего бассейнового соглашения, включающего все прибрежные страны реки Тигр. Хотя заключенные договоры формально, на бумаге, были посвящены как Евфрату, так и Тигру, тем не менее, в центре всех соглашений оказывался лишь Евфрат. Ни одно из многосторонних соглашений не рассматривало вопросы распределения водных ресурсов Тигра. По сути, единственным соглашением по использованию вод реки Тигр стало иракско – сирийское соглашение от 2002 г. Деятельность Совместного технического комитета, созданного в 1980 г., также фокусировалась преимущественно на распределении водных ресурсов более крупной реки Евфрат. Кроме того, Турция не рассматривает реки Евфрат и Тигр в качестве международных. Согласно позиции турецкой стороны, они составляют единый водный бассейн, полностью находящийся под турецким суверенитетом. При проведении расчетов относительно распределения вод данных рек нужно брать их суммарный объем водных ресурсов в бассейне. При этом если по реке Евфрат Турция берет на себя обязательства по гарантированному объему стока реки, то в отношении Тигра турецкая сторона никаких гарантий по сохранению определенного уровня реки не дает.

В отличие от позиции Турции Сирия и Ирак считают Тигр и Евфрат отдельными международными реками, порядок пользования которыми должен регулироваться международным водным правом.[10] Несмотря на то, что турецко – иракско – сирийские переговоры по вопросу строительства плотин на реке Тигр и стабилизации водного режима реки идут давно (в том числе и в рамках Совместного технического комитета), успеха, однако, они пока не приносят. Исключение, пожалуй, является создание Турецко-сирийского комитета по стратегическому сотрудничеству в решении водных вопросов (2009 г.). Данный шаг можно расценивать как согласие турецкой стороны на строительство Сирией насосной станции на своем участке реки Тигр, что было предусмотрено иракско – сирийским соглашением от 2002 г., и свидетельство временного улучшения турецко – сирийских отношений, окончательно испортившихся после сирийского кризиса 2011 г.

Как мы видели на примере межгосударственного взаимодействия по Евфрату, Турция активно использует курдский вопрос в переговорах и по реке Тигр. Так, в 2008 г., который запомнился особенно жестокой засухой, Турция и Ирак достигли договоренностей о существенном увеличении турецкой стороной объемов сброса стока реки Тигр – 450 500 км³ ежегодно. В свою очередь, Ирак обязался содействовать Турции в борьбе с курдами на своей территории, а также поставить в Турцию нефть по льготной цене. Однако вследствие се-

рьезных разногласий по вопросу возведения Турцией плотины и водохранилища Ылысу достигнутые договоренности выполнены не были.

Ирано – иракские отношения по использованию совместных водных ресурсов развиваются также непросто. Вопросы использования трансграничных водных ресурсов (ТВР) между Ираном и Ираком долгое время оставались неурегулированными. Религиозные разногласия между шиитским Тегераном и суннитским Багдадом всегда накладывали серьезный отпечаток на межгосударственные отношения, в том числе по вопросу использования ТВР. Так, в 1969 г. иранское руководство денонсировало ранее заключенное пограничное соглашение от 1937 г., в одностороннем порядке была установлена граница на реке Шатт – эль – Араб, а также был занят ряд спорных островов в Ормузском проливе, что привело к разрыву дипломатических отношений между двумя государствами. В подписанном в 1975 г. при посредничестве Алжира ирано – иракском соглашении об использовании совместных водотоков [11] оговаривалось водораспределение многих притоков реки Тигр, в том числе по р. Шатт – эль – Араб по линии тальвега, а также отказ иранского шаха от поддержки иракских курдов в ответ на согласие иранской демократической оппозиции во главе с Хомейни (находящегося в ссылке на территории Ирака с 1964 по 1978 гг.) прекратить проводимую ею антишахскую пропаганду. Однако это не привело к долгосрочному политическому сотрудничеству.

Таким образом, несмотря на существование действующего договора по бассейну реки Тигр от 1975 г. режим использования совместных водных притоков между Ираком и Ираном не является полностью урегулированным и по сегодняшний день, угроза нарастания напряженности сохраняется.

С 1979 г. с приходом к власти в Иране шиитского духовенства, возглавляемого Хомейни, ирано-иракские конфессиональные противоречия вновь регулярно обостряются. Так, Ирак оказался основным объектом реализации разработанной Хомейни и его сторонниками концепции «исламского государства» и провозглашенного ими призыва экспортировать исламскую революцию в мусульманские страны с целью объединения всех шиитов. Впоследствии это вылилось в ирано – иракскую войну 1980-1988 гг., в ходе которой река пограничная река Шатт – эль – Араб оказалась военной целью и объявлялась зоной боевых действий в данном противоборстве.

Надо отметить, что в отличие от Турции, Ирака и других арабских стран Иран традиционно не рассматривался в качестве активного участника региональной гидрополитики. Ситуацию измени-

ла сильнейшая засуха 2001 г., которая привела к серьезным социальным потрясениям, т. н. «водным бунтам». Высокий уровень вододефицита в стране вынуждают руководство Исламской Республики Иран все активнее включаться в водные политико-стратегические противоборства в регионе. С этой целью государством начинают предприниматься широкомасштабные попытки по использованию водных ресурсов притоков Тигра – реки Малый Заб, Тиб, Двайредж, Дияла и других.

В последние несколько лет острые споры между двумя странами идут по вопросу использования водных ресурсов реки Ванд, притока Диялы. В 1981 г. Ираком было построено водохранилище Хемрин (вместимостью около 2 млрд. м³), основные притоки в которое идут с иранской части реки Ванд. Начиная с 2008 г., отмеченного сильной засухой, вследствие запруживания реки Ванд на территории Ирана, озеро Хемрин обмелело примерно на 80 %, что привело к острым бунтам и демонстрациям на ирано-иракской границе. В 2011 г., также отмеченным сильнейшей засухой, Ирак предъявил претензии Ирану об отводе воды из реки Ванд для использования их в сельскохозяйственных целях. Параллельно иракским руководством инициирован процесс пересмотра соглашения с Ираном от 1975 г. о распределении пограничных семи рек (притоков Тигра).[12] Активное подключение Ирана к широкомасштабным водным инфраструктурным проектам на совместных реках, сооружение крупных плотин может привести к росту недовольства и протесту местного населения в приграничных районах вследствие нехватки воды для сельского хозяйства, и, как следствие, нарастанию напряженности в межгосударственных отношениях двух стран, особенно в период острых засух (как это было в 2008, 2011, 2012 гг.).

В целом, информация об ирано – иракском сотрудничестве достаточно ограничена. Известно, что в целях выработки взаимоприемлемых решений по сооружаемым плотинам на притоках реки Тигр стороны создали Объединенный технический комитет (наподобие турецко – ирако – сирийского Совместного технического комитета). Согласно данным Министерства водных ресурсов Ирака, проводятся регулярные заседания данного комитета с целью обмена техническим опытом.

В последние годы в связи с растущей активностью Исламского государства (ИГ) на Ближнем Востоке, многие гидротехнические сооружения Междуречья подверглись атакам со стороны данной террористической организации (запрещенной в России). Не исключением оказались и гидроузлы на реке Тигр. Так, в 2014 г. боевиками ИГ была захвачена т. н. «плотина Саддама», находящаяся к северо – западу от иракского города Мосул.

Мосульская дамба (или дамба Саддама) является крупнейшей гидроэлектростанцией в Ираке и важнейшим источником электроэнергии страны. Возможное разрушение данной плотины приведет к катастрофическим последствиям для всего региона. По разным оценкам, уничтожение Мосульской плотины может вызвать одну из самых масштабных трагедий в истории человечества: более 12 млрд. тонн воды затопит все живое на протяжении нескольких сотен километров вдоль русла реки Тигр. Образовавшаяся волна высотой более чем 100 м уничтожит полутора миллионный г. Мосул, который может уйти под воду на глубину более 18 м. Багдад также окажется затопленным на уровне 4 – 5 м. Число жертв только на начальном этапе может достигнуть более 500 тыс. человек.

В силу стратегической важности Мосульская плотина всегда была приоритетным объектом борьбы противоборствующих сторон. Захватив дамбу 7 августа 2014 г., исламские экстремисты смогли удержать ее всего 10 дней, когда были выбиты иракскими правительственными войсками и курдскими силами самообороны с помощью американских войск.[13] За последний год контроль над дамбой несколько раз переходил от одной борющейся стороны к другой. В результате дамба сильно пострадала и фактически сегодня находится в аварийном состоянии.

По мнению экспертов, в 2014-2015 гг. взрыв дамбы не входил в планы боевиков. На тот период у экстремистов все складывалось достаточно успешно, и они рассчитывали получить контроль над Ираком и его жителями. Надо отметить, что использование плотин в качестве рычага давления – одна из тактик, широко используемых боевиками ИГ в своей борьбе. Повышать либо понижать уровень воды в реках, оставляя миллионы людей без важнейшего ресурса, – применяемый ими многократно способ шантажа официальных властей. Так, зимой 2014 г. боевиками ИГ была захвачена плотина Фаллуджа на реке Евфрат, и, с целью затопить иракские войска, экстремистами были закрыты 8 из 10 водосбросов и поднят уровень воды в реке. Спустя некоторое время половина водосбросов была открыта боевиками, т. к. высокий уровень реки мог затопить самих экстремистов вместе с городом Эль – Фаллуджа. Данный шаг привел к наводнению территорий, но уже ниже по течению реки. Таким образом, боевики ИГ имеют достаточно богатый опыт по ведению т. н. «водных войн». Накопленный опыт они планировали использовать и на «дамбе Саддама» на реке Тигр.

Как известно, ситуация в раскладе сил борющихся сторон существенно изменилась после 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся 15 сентября 2015 г., на которой Рос-

сией было выдвинуто предложение о создании единой международной коалиции для борьбы с ИГ.[14] Подключение ВКС Российской Федерации к антитеррористической операции в Сирии помогло переломить ситуацию не только в этой ближневосточной стране, но и в целом изменило расстановку сил в борьбе с ИГ, значительно сузив пространство, контролируемое экстремистами. Очевидно, что в изменившейся геополитической ситуации ИГ теперь стремится нанести как можно больший ущерб на еще контролируемом им пространстве, и уничтожение дамбы может отвечать их сегодняшним интересам. Учитывая, что сам г. Мосул пока находится под контролем ИГ, и активные боевые действия могут начаться в районе дамбы, опасность ее уничтожения остается высокой.

В начале марта 2016 г. иракским руководством было сделано заявление о том, что Мосульская плотина находится под угрозой разрушения, а также что «прямо завтра» может случиться техногенная катастрофа, подобной которой не было за всю историю мирового гидростроительства. В этой связи иракским правительством был отдан приказ о немедленной эвакуации деревень, расположенных поблизости от Мосульской дамбы.

Риск возможной катастрофы усугубляется крайней изношенностью дамбы, которой, в результате допущенных при ее проектировании структурных недостатков, требуется постоянное вливание строительных смесей в образующиеся карстовые дыры. Построенная из селенита, природного гипса, поддающегося водной эрозии, данная ГЭС представляет собой удивительное с инженерной точки зрения сооружение.

Возведение дамбы было спешно начато в январе 1981 г., начале ирано – иракской войны, немецко – итальянским консорциумом (во главе с Hochtief – Aktiengesellschaft), который, по оценкам экспертов, в стремлении к быстрому заработку недостаточно профессионально выполнил заказанный проект. Поддерживающие иракский режим в борьбе с Ираном, Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива на проект выделили около 1,5 млрд. долл.

Уже в ходе строительства дамбы инженерами было обнаружено, что пористая гипсовая основа не сможет выдержать крупную структуру, и требуется регулярное закрепление грунтов в целях предотвращения ее разрушения. По завершению строительства в 1986 г. было сразу вкачано более 50 тыс. тонн жидкого цементного раствора, однако полностью это не решило проблему, напротив, стала очевидна необходимость ежедневного введения цементного раствора во вновь образующиеся вследствие эрозии карстовые воронки.

Спустя два года иракское правительство приняло решение о строительстве второй, предохранительной, плотины, на 40 км ниже по течению, в целях снижения ущерба от ударной волны в случае разрушения Мосульской дамбы. К 1990 г. вторая дамба была построена на 40 %, однако завершить ее возведение не удалось вследствие введения против Ирака экономических санкций (после вторжения Ирака в Кувейт в августе 1990 г.).

С вторжением в Ирак (2003 г.) в рамках глобальной борьбы с терроризмом и свержением режима С. Хусейна, американская администрация Буша – младшего уделяла внимание и социальным проектам, считая себя отчасти ответственной за происходящее на оккупированных иракских территориях. Так, была разработана т. н. концепция «война как работа в сфере социальных проблем» [15], в рамках которой большое внимание было уделено Мосульской плотине. В целях предотвращения ее разрушения и поддержания в рабочем состоянии американским правительством было выделено, по разным оценкам, от 30 – 50 млн. долл. Однако проблему это не решило, в основании гидротехнической конструкции продолжают появляться все новые воронки.

Надо отметить, что данная концепция о решении социальных проблем на территории Ирака подвергалась жесткой критике внутри США. В 2003 г. был опубликован доклад, обосновывающий необходимость снятия с США ответственности за внутрисоциальное положение в Ираке, включая и Мосульскую плотину. США попытались переложить ответственность за неудовлетворительное состояние плотины на проектировавший и строивший дамбу немецко – итальянский консорциум. Штаты также отмечали, что сами иракцы ответственны за столь изношенное состояние плотины.

В феврале 2016 г. в целях укрепления плотины федеральное правительство Ирака заключило контракт с итальянской строительной группой Trevi Group на сумму 273 млн. евро.[16] По словам премьер – министра Италии, предусмотрено, что дамбу будут охранять 450 итальянских военнослужащих.

На сегодняшний день обсуждается два варианта решения проблемы Мосульской дамбы. Первый вариант, предложенный курдами, оценивается в 250 – 500 млн. долл. и предусматривает возведение второй плотины, ниже по течению Тигра, на случай разрушения главной. Второй, более дорогостоящий (около 3 млрд. долл.), проект предполагает осушение водохранилища возле дамбы и последующий полный ее демонтаж.[17] Данный проект активно лоббирует Турция, т. к. вследствие уничтожения Мосульской ГЭС Ирак останется без электроэнергии, которую ему придется закупать у Турции в обмен на нефть. На сегодняшний день по-

следствия такого варианта труднопрогнозируемы, требуется проведение экологической экспертизы проекта, разработка ТЭО.

Итак, резюмируя вышесказанное, водные противоречия зачастую накладываются на уже существующие споры и противоречия. Ближний Восток в данном случае не является исключением: имеющиеся здесь религиозные, этнические, территориальные проблемы усугубляются напряженной военно – политической обстановкой, в которой водные ресурсы выступают инструментом борьбы, используемые боевиками ИГ в качестве оружия. Фактически действия экстремистов на гидротехнических сооружениях реки Тигр представляют собой гидротерроризм, где вода является военным средством и целью борьбы.

Модель политического поведения Турции на ТВР может служить примером использования водных ресурсов в качестве политического инструмента давления в регионе. Более выгодное географическое положение позволяет турецкому руководству проводить одностороннюю водную политику, не учитывающую интересы прибрежных государств, представляя собой яркое проявление гидроэгоизма. Хотя в период острых противоречий, возникающих, как правило, во время засух и маловодья, Турция идет на отдельные уступки прибрежным странам, однако в целом она не стремится к заключению многостороннего соглашения по использованию совместных вод Тигра.

В свою очередь, отсутствие многостороннего бассейнового соглашения не способствует сотрудничеству между государствами речного бассейна и препятствует урегулированию конфликта интересов на реке Тигр. В последние годы, преследуя свои имперские амбиции, политика Турция способствует нарастанию военно – политической напряженности в регионе, тем самым заводя в тупик и попытки урегулирования проблемы использования региональных водных ресурсов.

Климатическое изменение в виде сильных засух, опустынивания, влекущее острую нехватку воды и уже сегодня наблюдаемые масштабные потоки экологических беженцев из стран Ближнего Востока (Ирана, Сирии и др.) в Европу, вносит свой вклад в копилку проблем региона, накаляя межгосударственные взаимоотношения.

Напряженная политическая обстановка на Ближнем Востоке может явиться катализатором дестабилизации ситуации и на постсоветском пространстве, в частности близлежащей Центральной Азии, где неразрешенная водная проблема, накладываясь на межэтнические и территориальные разногласия, также заключает в себе высокий конфликтный потенциал, способный «взорвать» весь Центральноазиатский регион.

Библиография:

1. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии, Информационный сборник № 43. Реки Ближнего Востока. Ташкент, 2015, С.5.
2. Kurds, Iraqi and Syrian concerns over Turkish Ilisu Dam. // Peyamner.com, 03.07.2007.
3. Ilisu Dam. URL: www.mfa.gov.tr/grupa/aci/aci/acia/IlisuDam.htm
4. Aydin M., Ereker F. Water Scarcity and Political Wrangling: Security in the Euphrates and Tigris Basin//Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace, Vol. 4, 2009, p 607
5. Kaya H. Hasankeyf is Kurdistan // Kurdish Observer, 15 September 2000.
6. World Bank releases Ilisu report // Kurdish Observer, 07 September 2000.
7. Turkey searches for GAP funding. // TDN, 9.09.1997.
8. Договор между Турцией и Ираком о дружбе и добрососедских отношениях от 29 марта 1946 г.
9. FAO, Water treaties. Bilateral Agreement between Syria and Iraq concerning the installation of a Syrian pump station on the Tigris River for irrigation purposes, 2002. URL: <http://faolex.fao.org/watertreaties/index.htm>
10. Dr Latif J. Rashid. Rise the Euphrates. // Soma, No.6, 21.04.2006 – 04.05.2006.
11. National Security Archive, The Implications of the Iran-Iraq agreement. The Algiers Accord. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB167/01.pdf>
12. Иран осуждает заявление о недействительности Алжирского соглашения. РИА Новости, 26.12.2007. URL: <http://ria.ru/world/20071226/94146659.html>
13. Экстремисты полностью захватили крупнейшую в Ираке плотину в районе Мосула. Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1369094>
14. Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>
15. Pipes D. War as Social Work? // New York Post, May 6, 2003.
16. Русский сайт BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160302_iraq_dam_trevi
17. Крутиков Е. В ИГИЛ нашли способ разом уничтожить полмиллиона человек // Деловая газета «Взгляд», 2.03.2016
18. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 1997 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml
19. Мосаки Н.З. Если арабы владеют нефтью, то турки владеют водой. // Независимая газета, 18.01.2005.
20. Altunışik M., Martin L. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP / Turkish Studies, Vol. 12, No. 4, December 2011. pp. 569-587.
21. Compilation of International Treaties and Other Documents Relative to the Euphrates and Tigris, Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, Heidelberg, 2012. p. 36.
22. Frenken K. Irrigation in the Middle East region in figures: AQUASTAT survey-2008. FAO Water Rep. 34, 2009. p. 230.
23. Hatami H., Gleick P. Chronology of conflict over water in the legends, myths, and history of the ancient Middle East. Water, war, and peace in the Middle East // Environment 36(3): 6. – 1994. p. 6.
24. Jongerden J. Dams and Politics in Turkey: Utilizing water, developing conflict. // Middle East Policy Council, Spring 2010, Volume XVII, Number 1. p.142.
25. Kibaroglu A. An analysis of Turkey's water diplomacy and its evolving position vis-à-vis international water law // Water International, Volume 40, Issue 1, 2015. 16 p.
26. Tsakalidou I. The Great Anatolian Project: Is Water Management a Panacea or Crisis Multiplier for Turkey's Kurds? // New Security Beat, 5 August 2013. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2013/08/great-anatolian-project-water-management-panacea-crisis-multiplier-turkeys-kurds/>
27. Wolf A., Priscoli J. Managing and transforming water conflicts. Cambridge University Press. 341 p.

References (transliterated):

1. Nauchno-informatsionnyi tsentr Mezghosudarstvennoi koordinatsionnoi vodokhozyaistvennoi komissii Tsentral'noi Azii, Informatsonnyi sbornik № 43. Reki Blizhnego Vostoka. Tashkent, 2015, S.5.
2. Kurds, Iraqi and Syrian concerns over Turkish Ilisu Dam. // Peyamner.com, 03.07.2007.
3. Ilisu Dam. URL: www.mfa.gov.tr/grupa/aci/aci/acia/IlisuDam.htm
4. Aydin M., Ereker F. Water Scarcity and Political Wrangling: Security in the Euphrates and Tigris Basin//Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace, Vol. 4, 2009, p 607
5. Kaya H. Hasankeyf is Kurdistan // Kurdish Observer, 15 September 2000.
6. World Bank releases Ilisu report // Kurdish Observer, 07 September 2000.
7. Turkey searches for GAP funding. // TDN, 9.09.1997.
8. Dogovor mezhdur Turtsiei i Irakom o druzhbe i dobrososedskikh otnosheniyakh ot 29 marta 1946 g.
9. FAO, Water treaties. Bilateral Agreement between Syria and Iraq concerning the installation of a Syrian pump station on the Tigris River for irrigation purposes, 2002. URL: <http://faolex.fao.org/watertreaties/index.htm>
10. Dr Latif J. Rashid. Rise the Euphrates. // Soma, No.6, 21.04.2006 – 04.05.2006.
11. National Security Archive, The Implications of the Iran-Iraq agreement. The Algiers Accord. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB167/01.pdf>
12. Iran osuzhdaet zayavlenie o nedeistvitel'nosti Alzhirskogo soglasheniya. RIA Novosti, 26.12.2007. URL: <http://ria.ru/world/20071226/94146659.html>
13. Ekstremisty polnost'yu zakhvatili krupneishuyu v Irake plotinu v raione Mosula. Informatsonnoe agentstvo TASS. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1369094>
14. Sait Prezidenta Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>
15. Pipes D. War as Social Work? // New York Post, May 6, 2003.
16. Russkii sait BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/03/160302_iraq_dam_trevi

17. Krutikov E. V IGIL nashli sposob razom unichtozhit' polmilliona chelovek // Delovaya gazeta «Vzglyad», 2.03.2016
18. Konventsiya o prave nesudokhodnykh vidov ispol'zovaniya mezhdunarodnykh vodotokov, 1997 g. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml
19. Mosaki N.Z. Esli araby vladeyut neft'yu, to turki vladeyut vodoi. // Nezavisimaya gazeta, 18.01.2005.
20. Altunışik M., Martin L. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP / Turkish Studies, Vol. 12, No. 4, December 2011. pp. 569-587.
21. Compilation of International Treaties and Other Documents Relative to the Euphrates and Tigris, Max Planck Institute for Comparative Public Law and International Law, Heidelberg, 2012. p. 36.
22. Frenken K. Irrigation in the Middle East region in figures: AQUASTAT survey-2008. FAO Water Rep. 34, 2009. p. 230.
23. Hatami H., Gleick P. Chronology of conflict over water in the legends, myths, and history of the ancient Middle East. Water, war, and peace in the Middle East // Environment 36(3): 6. – 1994. p. 6.
24. Jongerden J. Dams and Politics in Turkey: Utilizing water, developing conflict. // Middle East Policy Council, Spring 2010, Volume XVII, Number 1. p.142.
25. Kibaroglu A. An analysis of Turkey's water diplomacy and its evolving position vis-à-vis international water law // Water International, Volume 40, Issue 1, 2015. 16 p.
26. Tsakalidou I. The Great Anatolian Project: Is Water Management a Panacea or Crisis Multiplier for Turkey's Kurds? // New Security Beat, 5 August 2013. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2013/08/great-anatolian-project-water-management-panacea-crisis-multiplier-turkeys-kurds/>
27. Wolf A., Priscoli J. Managing and transforming water conflicts. Cambridge University Press. 341 p.